

Сын мой! Храни заповедь отца твоего и не отвергай наставления матери твоей; навяжи их навсегда на сердце твоё...

Книга притчей Соломоновых, глава 6 (20–21)

В полуденной июльской жаре вяли поникшие листья деревьев, когда к воротам деревенского кладбища подкатила запылённая «Волга» с шашечками такси на дверцах. Неподалёку, у заросшего камышом пруда, томилось стадо коров. Во дворе крайней избы гоготали гуси. Где-то за околицей тарахтел трактор. Высоко в мареве безоблачного неба носились стрижи. Седой мужчина, в морской фуражке, в тужурке с шевронами капитана дальнего плавания, поставил у ног чемоданчик-кейс, неторопливо раскрутил проволоку на воротах. Тихо и осторожно, словно боясь нарушить кладбищенскую тишину, открыл железную калитку. Она заскрипела на ржавых петлях, и капитан вздрогнул. Ему, привыкшему на капитанском мостике проявлять выдержку и спокойствие в минуты опасности, вдруг сделалось страшно сделать первый шаг в это царство теней, покосившихся деревянных крестов, скромных обелисков и дорогих мраморных памятников со следами свежей глины на могилах.

С пожелтевших овальных портретов безмолвно взирали на суетный мир лица усопших. Умершие кто давно, а кто и совсем недавно, они, будучи живыми, смеялись и плакали, радовались и горевали, любили и ненавидели, лгали, клеветали, жадничали, завидовали, спорили... Теперь им ничего не нужно. И кажется, смотрят они с выцветших фотографий на мирскую сутолоку насмешливо и с укором: «Ох, земляки... Тщетна ваша суета. Не тем вы заняты... Не тем...»

Длинные плакучие плети берёзовых ветвей низко нависали над оградками погоста. Сквозь них тянулись тонкие золотистые нити солнечных лучей. Пронизывая густую листву, вспыхивали на полированных табличках с фамилиями покойных, зажигались золотыми искорками на бронзе муаровых лент и разноцветных лепестках искусственных цветов.

Приморённые духотой, слабо попискивали пичужки. Трещали кузнечики. Пахло скошенной травой, тиной пруда, взбаламученного стадом, и дымком печных труб.

Безветрие. Тишина. Вечный покой.

Неестественно и нелепо, словно из потусторонней жизни, вдруг зазвучала англо-американская музыка непонятной ни уму, ни сердцу визгливой песней. Её сменил бравурно-весёлый голос радиокomentатора, доносящийся из раскрытой дверцы машины, из которой торчали ноги разомлевшего таксиста.

Капитану, как и всякому человеку, приходилось бывать на кладбищах. Хоронил друзей, товарищей, погибших в море. Мальчишкой, возвращаясь в потёмках с утиной охоты, сокращал путь, шёл напрямки через это самое кладбище, натываясь в темноте на бугры могил. От жуткого страха гулко билось сердце, но преодолевал боязнь, воспитывая в себе волю и смелость. Так почему сейчас, в яркий солнечный день, когда сзади млеет под музыку шофёр такси, у него так же стучит в груди, как тогда, в детстве? Капитан снял фуражку, достал носовой платок. Пахнуло дорогим французским одеколоном. Вытер вспотевший лоб и медленно двинул непослушно-ватные ноги. Внутренне он сознавал причину волнения и боязни: страшно было искать и найти могилу отца и матери, умерших двадцать лет назад, к которой сын ещё ни разу не приезжал.

Капитан расстегнул карман тужурки, вынул вчетверо сложенное письмо сестры. Замусоленное. Протёртое на сгибах. Сжал в кулаке. Читать не имело смысла. Строчки письма, которое носил при себе все эти годы, знал наизусть: «От ворот иди вправо, вдоль забора, до конца и налево. Рядом с ними Петька Наумов похоронен. Ну, помнишь, дружок твой?.. Вы бабку Маланью в бане подпёрли, старуха тогда чуть дымом не задохнулась... Я отцу рассказала, он и спас бабку, а тебя крепко выдрал... Трактором Петьку задавило. Перевернулся на нём спяну. На памятнике его руль от «Беларуси» приделан. А рядом, слева, отец и мать... Могилки не

огорожены. Не успела я. Да и денег не хватило, на самолёт у Нинки Паршуковой занимала, потом выслала ей. Поди, не забыл Нинку? Дружили вы... Даже жениться на ней хотел... А тумбочки железные местные забуддыги сварили за два литра водки. Красные звёздочки на тумбочках и фотографии папы и мамы в рамках. Как ещё приеду, цветы посажу. Отец полевые ромашки любил, а мама гвоздики...»

Наумовский руль увидел издали, сразу, как свернул с дорожки налево. Стараясь не потерять его среди множества оградок, крестов и памятников, пошёл, перешагивая через заросшие травой бугорки, тоже, наверно, могилки, хранящие чьи-то бранные останки. А вот и могила отца и матери. Увидев её, капитан вздрогнул, как там, у ворот, и трудно сдерживаемые рыдания спазмами сдавили горло.

— Здравствуй, мама... Здравствуй, отец,— сказал сын.— Теперь уж и мне столько лет, как было вам... Сравнялись мы... Простите, что так поздно приехал...

Капитан ласково провёл рукой по ромашкам, редким и пожухлым на иссушенной земле, приладил среди них фуражку с потускневшим «крабом» и щёлкнул замочками кейса. Горлышко бутылки тонко позванивало, когда он тонкими струйками до половины наполнял водкой три гранёных стакана. Два накрыл кусочками чёрного хлеба и поставил у креста и тумбочки, другой, прежде чем выпить, с минуту держал в дрожащей руке.

— Пусть земля вам будет пухом...— сдавленно прошептал сын.— Царство вам Небесное... За тебя, отец... За тебя, мама... Простите...

Капитан выпил и, наклонив белую, как крыло у луны, голову, долго сидел в тени раскидистой черёмухи на краю неухоженной могилы. Покосившиеся, облезлые тумбочки со следами зелёной краски. Ржавые звёздочки. Безликие, выцветшие листы бумаги под стеклом в разошедшихся рамках. Эх, годы, годы...

Он задумчиво смотрел влажными глазами на блёклые фотографии. Слёзы запоздалой сыновней любви катились по неровным бороздкам морщин на гладко выбритых щеках.

— Ну почему? Почему так поздно спохватился сказать отцу и матери что-то хорошее? Поблагодарить за всё, что они сделали для меня?.. А ведь мог ещё раньше, в бытность курсантом или в последний приезд после окончания мореходки,

выразить родителям признательность... Отметить их много-летний и бескорыстный труд сельских врачей... Поддержать... Люди, конечно, говорили им хвалебные слова... Но вот кабы я сказал: «Да, отец... Да, мать... Не зря вы столько лет прожи-ли в этой сибирской деревне... Благородным делом заняты были. Стольких больных вылечили... Многим людям здоровье вернули, а иных от смерти спасли...» А я вместо этих добрых слов насмеялся: «Живёте в деревне, без удобств городских... Получаете копейки... Ничего не видите, кроме больницы сво-ей, в кишках чужих копаетесь... Фу, противно...» Обидно вам было слышать эти слова. Тебе, отец, фронтовому хирургу во-енно-полевого госпиталя, под бомбами и снарядами делавше-му операции раненым бойцам... Тебе, мама, фронтовой сани-тарке, вынесшей с поля боя десятки раненых солдат... Всю жизнь вы о людях переживали, о пациентах своих... О себе меньше всего думали... Прости, отец... Прости, мать... Дурак я был... Не понимал, — чуть слышно говорил капитан под не-мыми взглядами покойных, будто осуждавших позднее при-знание.— Простите... На похороны ваши приехать не смог... В море был... В Австралию мы тогда шли. Радиogramму вручи-ли мне, да что толку? Судно не воротишь, не повернёшь назад. Тайфун нас тогда прихватил, потрепал сильно... Признаюсь, о судне больше думал, об экипаже... Из Австралии, помнит-ся, прямым рейсом на Кубу отправились... Оттуда в Канаду... В общем, месяца три шлёпали, пока во Владивосток верну-лись... Конечно, мог выпроситься у начальства, приехать сюда, но нас погнали на ремонт в Сингапур, поставили в док. Не бро-сишь судно... Потом подвернулся выгодный рейс в Германию с заходом в Италию... Отговорки всё это... За двадцать лет не приехать... Причины оправдательные ищу... Хотя, бывало, на-ставляла ты меня, мама, притчей Соломоновой: «Отвергни от себя лживость уст, и лукавство языка удали от себя»... Правда, было время, когда не думал о вас и сам был готов свести счё-ты с жизнью. Не скрою: броситься за борт хотел. В открытом море столкнулся мой лесовоз с рудовозом. Пожар, паника... Оба судна затонули... Погибли двадцать три моряка. Сожалел я, что не утонул вместе с ними. Был суд. Девять лет припаяли. От звонка до звонка отбыл их в колонии усиленного режима. С женой Оксаной развёлся. Недолго ждала меня из мест за-ключения. Замуж вышла. Димка мой с ней остался. Оксана

укатила с новым мужем в Крым, сынишку увезла. Тот вырос, меня не знает. И вы не повидали внука. Кораблекрушение полное... И семейное в том числе... Наверно, сестра должна была написать вам обо всём этом. Такие дела... А без моря мне, как без неба, не прожить... После освобождения пошёл на танкере простым матросом. Стал боцманом... А знаете, дорогие мои, не было моей вины в столкновении. Спустя годы комиссия вновь расследовала причины катастрофы и признала виновным капитана рудовоза. Восстановили мне ранее изъятый диплом, но большегрузное судно не дали. Да я уже и сам не хочу в дальние плавания ходить. Капитаном портового буксира плаваю... Да, отец... Помню, как ты ругал меня за леность, ссылаясь на Книгу притчей Соломоновых: «Дверь ворочается на крючьях своих, а ленивец на постели своей». И всегда уточнял при этом: «Глава двадцать шесть, стих четырнадцать». И я запомнил. Брался за ремень со словами: «Наказывай сына своего, и он даст тебе покой, и доставит радость душе твоей. Глава двадцать девять, стих семнадцать»... И это я запомнил. Но мало ты меня порол, отец... Всё жалел... И не доставил я ни тебе, ни маме покоя при жизни и радость душам вашим в старости. Не воспринимал я всерьёз ни ваши советы, ни наставления Соломона. В тюрьме было достаточно времени прочитать Книгу притчей, осмыслить призывы мудреца к разуму. Да поздно... Как говорится, поезд ушёл... Обижался, помню, до горьких слёз, когда драл ты, отец, меня за неубранную кровать, когда ты, мама, ругала меня за немытую посуду, за не политую капусту и другую невыполненную работу по дому. И особенно за двойки. Помнишь, отец? Ты драл меня и приговаривал: «Запомни, сынок, стих двенадцатый главы двадцать третьей: приложи сердце твоё к учению и уши твои — к умным словам». Я запомнил, отец... И ещё потом ты оправдывался перед мамой за то, что выпорол меня, ссылаясь на те самые притчи: «Не оставляй юноши без наказания; если накажешь его розгою, он не умрёт. Ты накажешь его розгою, и спасёшь душу его от преисподней. Стихи тринадцать, четырнадцать главы двадцать третьей...» Прав был древний мудрец. Прав был и ты, отец... А я?!.. Приду с моря — в кабак! Все деньги за рейс промотаю... Нет бы выслать вам денег в помощь при строительстве дома... Пьянки, гулянки... Вино, женщины... Вольная, развесёлая жизнь... Всего два раза за всё время домой приезжал... Вспомнить стыдно...

Матери пальто подарил с песцовым воротником, сестре сапоги финские... А тебе ничего не привёз... Не понимаю... Почему такой бестолковый был? В Японию часто ходил... Ну, мог там купить зажигалку-пистолетик... Фонарик какой-нибудь... Бутылку виски... Тельняшку обыкновенную подарить... Или свитер пуховый... Не купил... Не привёз... Может, помнилась обида за то, что всыпал ремня за шалости, граничащие с хулиганством. То, бывало, стог сена подожжём, то старуху какую-нибудь по ночам пугаем, нарядившись в чертей...

Капитан плеснул в стакан, пытаясь заглушить тоску-печаль, ностальгию по давно ушедшему детству, жадно, словно страждущий воду, выпил водку, занюхал рукавом тужурки. Память давних лет, воспоминания о бесцельно проведённых годах неужённой молодости жгли нутро горячее калёного железа. Как наяву, вновь и вновь перед глазами возникала картина приезда в отпуск. Этаким расфуфыренный фронт во всём заграничном. Спросил удивлённо: «Мам, а где отец?» — «Плачет в кладовке», — вне себя от радости ответила мать. «А почему плачет?» — «Тебя не признал... Думал, Васька, племянник мой, из института на каникулы в гости приехал...»

— Прости, отец... Много глупостей я совершал, и одна из них та, что не расспросил тебя о предках наших. Кем были, как звали? У кого сейчас спросишь? А ведь и они, переселенцы с Дона, покоятся где-то здесь. Кресты бы им поставить... Да где? В каком месте? А война?.. На каких фронтах ты и мама принимали в ней участие? Вот приедет ко мне сын... Верю я, надеюсь... С годами захочется ему увидеть своего настоящего отца... Что тогда расскажу ему о корнях его? Да... Верно говорят: близок локоток... Вот он, рядом, а не укусишь... Были у отца и матери ордена, медали... Всё Лидка захапала... А зачем ей? Фамилию мужа носит... И дети её — Гудкевичи, а не Кислицыны, как мы... Конечно, она дочь ваша, для внуков ваших старалась... И документы, и награды после похорон прибрала к рукам. Дом продала... А что я мог тогда сделать? Подолгу в море был, в квартире моей пыль месяцами на шкафах лежала. А Лидия — ваша дочь родная... Приехала, всё распродала... Прости, отец... Прости, мама... Ухожу я... Завтра приеду...

Капитан промокнул глаза платком, стряхнул с фуражки прилипшие к ней мусоринки, надел на голову, по привычке приложил ребро ладони к околышу, проверяя, на месте ли

«краб». Поднял кейс и нетвёрдой походкой направился к воротам.

Увидев его, шофёр поспешно сел за руль, завёл мотор. Капитан уселся на заднее сиденье, и машина покатила по неровной, в рытвинах, дороге, истоптанной коровьими копытами.

— В райцентр, Николай Павлович? В гостиницу? — нарушил молчание шофёр.

— Нет... Заедем сначала вон в тот дом... Я в нём в детстве жил... Дом тогда был совсем другой... Тёсом крытый, а не железом. Забора такого не было... И заткни, наконец, свою тындыкалку... Разве это музыка? Как не надоест она тебе?!

Таксист, нанятый капитаном за приличную плату, послушно выключил радиоприёмник. Хороший клиент ему попал, денежный! И не скупой... О таком пассажире здесь, вдали от морей, можно только мечтать...

Но вот и дом. Бывшая родительская усадьба... Сейчас в ней живут другие, совсем незнакомые люди. А мог бы, при желании, и он быть здесь хозяином. А что? Завязал бы с морем, бросил бы якорь в Осиновке — так называется эта деревня, где прошло его босоное детство. Но история не знает сослагательных наклонений. Бы... Да кабы... Если бы... Что случилось, того не изменишь... А может, оно и к лучшему... От одной мысли, что никогда не увидел бы дальних стран, островов, океанских просторов, а жил бы здесь, в Осиновке, на душе пресно становится.

Возле дома, бросая тень на двор, высилась толстая берёза. Неужели так вымахала та тонкая берёзка, что посадил он перед отъездом во Владивосток? Как долго и напрасно уговаривали его отец и мать не ехать в мореходку, убеждали идти по их стопам врачей. Отец — хирург. Мать — терапевт. После войны молодыми романтиками, подражая тургеневскому Базарову, приехали они сюда, подобно самоотверженным русским интеллигентам, добровольно шедшим в народ врачами, учителями, проповедниками слова Божьего.

На злой лай дворняги, громыхавшей цепью, на крыльцо вышла пожилая женщина с подойником и полотенцем через плечо, удивлённо уставилась на приезжих.

— Вам кого? — недоуменно спросила она. — Говорите скорее, а то мне на ферму, на обеденную дойку идти пора.

— Здравствуйте... Понимаете ли... Это мой дом... Хотелось бы пройтись по нему... Посмотреть, как жили мои

родители, — сказал капитан под оглушительный лай беснующейся собаки. — Да закройте же её, наконец!

— А вы не командуйте! Как это — ваш дом?! Мы купили его ещё полтора десятка лет назад... Вы кто будете?

— Кислицын я. Мы здесь раньше жили. На кладбище к отцу заезжал, заодно и в доме решил побывать. Вас как звать?

— Авдотья Ивановна...

Капитан достал из машины коробку конфет и бутылку мартини, подал женщине.

— А это вам... Помянете моих родителей.

— А... Ну, так бы сразу и сказали, — смущённо проговорила женщина, принимая подарки. — А то: «Это мой дом!» Цыц, Полкан! Пшёл на место!

Женщина заперла собаку в будку и подобрёвшим голосом пригласила войти. Капитан в раздумье обошёл все комнаты. Ничто не напоминало ему ни о родителях, ни о нём самом. Всё переделано, перекрашено. Чужая мебель, чужие фотографии. И даже окна не те, а пластиковые...

— Вы давно живёте в Осиновке? — спросил он.

— Давно... Лет пятнадцать... Как этот дом купили... так с тех пор и живём...

— Значит, совсем немного... Родителей-то моих знаете?

— Нет... Мы как приехали сюда, их уже не было...

— Ну а о врачах Кислицыных слышали? Много лет они в Осиновке врачами в местной больнице работали.

— Откуда? Больницы уже нет... И школы нет... А для кого? Разъехались все кто куда. Одни старики в деревне остались. Лечиться в район ездим.

— Может, Нину Паршукову знаете? Учительницу начальных классов?

— Нинку-то? Паршучиху? Кто же её здесь не знает? И не учительша она, а директор районного универмага... Как цаца расфуфыренная ходит... С мужиком-то со своим, со Степаном, разошлась. В райцентр перебралась. Разбогатела. Квартиру там купила.

— А чего ей с мужем не пожилось?

— Да кто их знает? Чужая душа — потёмки. Судачили бабы, будто гульнула Нинка с хахилем городским. Хахиль, сказывают, и помог Нинке директором стать. А Стёпа и

застукал её с любовником тем. Да пошто было не гульнуть ей? Завсегда Стёпка пьяный. Не просыхает от водки. С работы его турнули за прогулы. А Нинка сейчас, как девка молодая, павой разодетой в магазине красуется.

— Не осталось ли у вас что-нибудь из вещей моих родителей?

— Ничего нет,— развела руками женщина.— Сестра ваша всё соседям по дешёвке распродала. Ковры, посуду, хрусталь, книги, инструменты. Мы уже в пустой дом въехали. Хотя погодите...

Владелица родительского дома сбегала в сарай и вернулась с топором и деревянным рубанком.

— Вот, в хламе валялись... От прежнего хозяина остались... От вашего отца, выходит... Ещё в чулане ремень висит... Широкий такой. Офицерский. Наверно, тоже остался от батюшки вашего. Сейчас принесу.

Да, ремень был отцов. На нём он правил лезвие опасной бритвы. Вот и следы от заточки на заглаженной коже. Иногда этот самый ремень прохаживался по голой заднице будущего покорителя морских просторов. Было не больно, но очень стыдно.

— Ой, чуть не забыла! — всплеснула руками женщина.— Там, в чулане, ещё куча бумаг и фотографий... Хотела выбросить, да жалко стало... Вдруг, думаю, придут, спросят про них?.. А вы и впрямь приехали и спросили... Надо же! И как я не выбросила?!

Она ушла и скоро вернулась с ворохом бумаг и толстым пакетом, покрытым пылью. То были почётные грамоты отца и матери, семейные фотографии. Капитан взволнованно взял их, прижал к груди.

— Спасибо,— растроганно обнял он и поцеловал хозяйку своего бывшего дома.— Спасибо за бесценные для меня вещи. Они мне дороже ковров и хрусталя. И этот топор, рубанок и ремень, к которым прикасались руки отца. Спасибо, Авдотья Ивановна...

Он почти всю ночь просидел при включенной настольной лампе в номере гостиницы, рассматривая грамоты и фотографии. Потресканные, оборванные по краям, но такие родные. Вот он с отцом на рыбалке... Вот они окучивают картошку... Отец на мотоцикле... Мать в белом халате со

стетоскопом на груди. Он и Лидка маленькие... Он в коротких штанишках... Она в коротком платице и с куклой.

Лишь под утро забылся коротким сном. Будильник сотового телефона поднял в семь часов. Умылся, наскоро выпил кофе и выглянул на улицу.

Моросил дождь. У подъезда гостиницы поджидала серебристая «Волга» с шашечками такси.

В это пасмурное утро капитан приехал в магазин ритуальных услуг. Купил два памятника из нежного, с розовыми прожилками, бело-голубого мрамора, пару венков и две чаши с гвоздиками.

В ожидании, пока рабочие выпилят на памятниках надписи и прикрепят к ним фото отца и матери, выполненные на керамике, Кислицын решил прогуляться по площади райцентра. Мальчишкой приезжал сюда из Осиновки. В сравнении со своей деревней в те далёкие годы всё для него здесь было необыкновенно. В столовой вкусно пахли ванилином мягкие булочки с изюмом. Прилавки в книжном магазине пестрели множеством разных канцелярских принадлежностей. Вызывали восхищение хохломской росписью гривастые лошадки в отделе игрушек. Привлекали мальчишеское внимание беговые лыжи, велосипеды, боксёрские перчатки и диковинный акваланг в «Спортивных товарах». На базаре слышались визг поросят и галдёж торговцев. В павильоне продавали котят, щенят, хомячков, кроликов, рыбок и птиц. Библиотека, в которой подолгу просиживал, листая редкие книги и журналы. Вокзал... А главное — паровозное депо: возле него мог часами сидеть на куче песка, наблюдая, как пыхтящие паровозы ворочают дышлами огромные красные колёса.

Здесь мало что изменилось за прошедшие полвека. Разве что выстроились в ряд пивные, сигаретные ларьки и киоски с китайской мелочёвкой. Да ещё вот этого нового здания универсама не было... Там работает Нина Паршукова... Зайти, что ли?.. Проведать старую любовь...

От этой мысли в груди захолонуло, от воспоминаний юности повеяло чем-то радостным и приятным...

И, сам не зная, зачем ему эта встреча, Кислицын повернул к универмагу, толкнул большую стеклянную дверь. Несмотря на ранний час, в зале толпился народ. Две молоденькие продавщицы с ярко накрашенными губами, в одинаковых

белых блузках с синими бантами, оживлённо болтали в отделе парфюмерии. Стрельнули глазами по безукоризненной форме вошедшего моряка, по его морщинистому лицу, обрамлённому на висках седыми баками, равнодушно отвернулись.

— Девушки... Извините, что прервал вашу милую беседу... Скажите: у вас работает Нина Паршукова?

Продавщицы с любопытством посмотрели на него. Понимающе переглянулись: «Новый любовник у нашей директрисы!»

— Вам директора? Так вот она идёт... Нина Михайловна! — громко окликнули они проходящую мимо женщину с важной осанкой. — К вам пришли!

Полнота... Модная причёска... Крашенные волосы... Очки... Серьги... Янтарные бусы... Строгий костюм... Властный взгляд...

Нет, не та Нинка... Не та, которая счастливо смеялась, когда он не удержал велосипед и они упали в копну сена. Ни за что не узнал бы её, если бы встретил случайно на улице.

— Коля! Неужели ты?!

Она сразу узнала его. Скорее, потому, что был в морской форме. Ждала, надеялась, что после окончания мореходного училища приедет за ней... Не приехал...

Нина взяла его за руку, погладила белоснежный манжет изысканной сорочки, украшенный золотой запонкой с бриллиантом.

— А ты всё такой же...

— Какой?

— Красивый... Элегантный... Олег Стриженов рядом с тобой отдыхает... Пойдём ко мне в кабинет... Там поговорим...

Они ушли под вздохи продавщиц. «Такого мужика урвала!» — казалось, говорили их молчаливо-завистливые взгляды.

— Как ты жил... все эти годы?

— Как все... Женился... Развёлся... Плавал, — передёрнул он плечами, всматриваясь в неё.

Ничего не осталось от прежней улыбчивой Нинки. Лишь ямочка на правой щеке, чуть вздёрнутый нос и голос. И ещё карие глаза, пронизательно-жгучие...

— Всю жизнь любила тебя одного... И сейчас люблю... Да только что теперь об этом говорить? Годы прошли...

— Если любишь, поедем со мной во Владивосток, — выпалил Кислицын, привлекая Нину к себе. — У меня элитная

квартира... Престижная машина... Хорошая пенсия... И при всём при том я ещё работаю... В дальние плавания не хожу... Работаю капитаном портового буксира... Деньги есть...

— В деньгах ли дело, Коля? — отстранилась она. — Куда я от детей своих, от внуков? Держат крепче канатов... А ты, наверно, в Осиновку на кладбище к покойным родителям приезжал? Мои родители тоже там схоронены. Мама всё говорила мне: «Не вздыхай по морячку своему... Не нашего поля он ягодка». Не соглашалась я с ней. Да только матери всегда правы оказываются...

Он хотел сказать ей, что, быть может, не дети и не внуки держат, а мужчина из города, тот самый «хахиль», про которого говорила Авдотья Ивановна. Но смолчал: какое ему дело? У неё своя жизнь... У него своя...

— Да... В Осиновку... Отца и мать проведать, — ответил он, выпуская гладкую и пухлую руку Нины из своей сухой ладони.

На его безымянном пальце сверкнул алмазом платиновый перстень.

— Кстати, у вас есть отдел по продаже музыкальных дисков и магнитофонов?

— Разумеется. А зачем тебе? Хочешь расслабиться на лоне родной природы?

— Да нет... Траурную заупокойную мессу исполнить родителям... Памятники сейчас повезу в Осиновку... Успеть бы управиться до вечера, пока дождь перестал...

— Пойдём, — просто сказала она, словно и не было между ними разлуки в сорок лет. — Я помогу тебе найти, что нужно.

Она подвела его к киоску, уставленному коробками с компьютерными дисками, аудио- и видеокассетами.

— Поройся в Интернете, найди печальную мелодию, сбрось на диск аудио. И поторопись. Товарищу капитану ждать некогда, — директорским тоном, не допускающим возражения, наказала она парню с наушниками на бритой голове. С материнской гордостью пояснила: — Серёжа... Сынок младшенький... Студент-медик. На второй курс перешёл. Подрабатывает на летних каникулах у меня в магазине... Как твой отец, хирургом будет. Мечтает в Осиновке больницу открыть.

— Так вы Кислицын?! Николай Павлович?! — высунулся парень. — Сын тех самых Кислицыных, Павла Ивановича и Полины Петровны, врачей из Осиновки?

— Да, тех самых,— перебила Нина сына.— Делай что велено. И поскорее. Ему ещё в Осиновку ехать.

Кислицын полистал записную книжку. Нашёл визитную карточку, протянул Нине:

— Возьми... Вдруг надумаешь навестить?.. Буду рад.

— Николай Павлович! — позвал его Сергей.— Вот, в подборке произведений классической музыки отыскал... Иоганн Себастьян Бах... Реквием ре-минор. Органный концерт. Сгодится?

— Прекрасная вещь, Серёжа. Сколько с меня?

— Нисколько! Пусть это будет подарком будущего хирурга моим кумирам Павлу Ивановичу и Полине Петровне Кислицыным.

— Спасибо, Серёжа! — растроганно сказал капитан, оставляя на прилавке две пятитысячные купюры. И подмигнул: — В знак благодарности студенту, продолжающему дело врачей Кислицыных...

У дверей универсама стоял шофёр такси.

— Отнеси в машину,— отдавая ему магнитофон и коробку с диском, сказал капитан.

Здесь они и расстались. Сухощавый, подтянутый, слегка сутулившийся капитан дальнего плавания и располневшая женщина — директор районного универсама. В окна глазели любопытные продавщицы и знакомые Нины, когда он снял фуражку и с поклоном поцеловал ей руку.

— Прощай, Нина...

— Прощай, Коля...

— Может, даст Бог, увидимся...

— Может, увидимся...

Кортеж из «Волги» и двух «Газелей» двинулся в Осиновку.

Рабочие сноровисто установили памятники и надгробия, высадили ромашки. Когда всё было готово, Кислицын поставил к памятникам фарфоровые вазы с водой и живыми бордово-красными гвоздиками. Рассчитываясь с рабочими, не поспешил, одарил их приличной суммой, стараясь в душе хотя бы этим сделать что-то доброе во имя отца и матери. Рабочие, отродясь не получавшие в этом захолустье таких денег, застеснялись:

— Многовато, товарищ моряк...

— Много, парни, это не мало, — улыбнулся капитан, пожимая всем руки. — Спасибо, ребята... Молодцы! Прекрасно всё сделали! Честно заработали!

— Что-нибудь ещё? Так скажите... Мы тотчас... Может, оградку соорудить?

— Да... В самом деле... Об оградке я и не подумал... Вот вам ещё деньги... На оплату оградки и за работу по уставке... Хватит или добавить? — протягивая пачку денег, спросил капитан, не думая о затратах, растроганно глядя на могилы родителей. Никак не хотелось верить, что видит их, возможно, в последний раз.

— Что вы! Вполне достаточно! Оградку сварим красивую, привезём и поставим... Завтра всё будет сделано в лучшем виде... Не сомневайтесь... — с радостью заверили рабочие, которым не терпелось отметить получку. — Так мы поехали?

— Езжайте!

Небо прояснилось. Было прохладно и немного ветрено. В просветы между вершинами деревьев светило солнце. Под его лучами блестели капельки росы на влажных листьях.

Капитан взял горсть земли из-под ромашек, ссыпал в пакетик и сунул в карман тужурки. Поправил вазу с цветами. Кажется, всё правильно. Установил на мраморе магнитофон, повернул ручку на полную громкость и нажал клавишу. Величаво-торжественная, скребущая за сердце музыка раздалась над деревенским кладбищем, вспорола вечную тишину, нарушаемую лишь шёпотом ветра, шелестом листьев и щебетанием птиц. С непокрытой головой капитан стоял и слушал будоражащий душу реквием, и вся жизнь мгновениями пронеслась в сознании убелённого сединой человека.

— Прощай, отец... Прощай, мама... Простите... — тихо проговорил он.

Чтобы не разрыдаться, быстро повернулся и зашагал к воротам. Реквием ре-минор провожал его печально-тревожными, бархатно-раскатистыми звуками органа, ведущего главную партию мелодии зауспокойной мессы.

— Магнитофон забыли, Николай Павлович! — обеспокоенным голосом услужливо напомнил водитель.

— В аэропорт! — коротко ответил капитан, торопливо захлопывая дверцу машины.